

MATERIÁLY

ЗДЕНЬКА МАТЫУШОВА

МНОГОЛИКАЯ ПОЭЗИЯ ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА
ЖУКОВСКОГО

(Ессе о значении русского преромантика)

Абстракт*Многоликая поэзия Василия Андреевича Жуковского*

Предлагаемая статья посвящена проблематике поэтического творчества русского писателя Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), описанию и раскрытию особенностей его художественного мира и постижению феномена личности поэта. Объектом исследования являются прежде всего произведения *Счастье* (1809), *Кассандра* (1809), *К Делию* (1812), *Иви́ковы журавли* (1813), *Ахилл* (1813), *Теон и Эсхин* (1814), *Явление богов* (1816) и другие. Особое внимание уделяется античной традиции в его творчестве, образованию русского языка, фольклорному аспекту, синтаксису и образности его поэзии.

Abstract*Many Faces of Vasilij Andreyevic Zhukovsky's Poetry*

The author of the present article deals with the different strata of the poetry of the significant Russian poet Vasily Zhukovsky (1783–1852) accentuating his link to Russian folklore and to ancient Greek and mainly Roman Latin poetry. The poet applied mythology as well as historical classical subjects in his longer poems *Happiness* (1809), *Kassandra* (1809), *To Deliya* (1812), *The Cranes of Ibykos* (1813), *Achilles* (1813), *Teon and Eschin* (1814), *The Revelation of Gods* (1816) and others. He became the founder of real Russian poetic language, its syntax and imagery, later exploited by his successors (Pushkin, poets of “pure poetry” and Russian modernists).

Ключевые слова

русская поэзия ■ В. А. Жуковский ■ античная традиция ■ фольклор ■ формирование языка, синтаксиса и образности русской поэзии

Key words

Russian poetry ■ V. A. Zhukovsky ■ ancient tradition ■ folklore ■ the formation of language, syntax and imagery of Russian poetry

Русская культура и литература от истоков до наших дней составляют – так же, как и любая другая культура, – самобытное целое, в формировании которого в значительной мере участвует собственная, отечественная культура. Она, конечно, не является изолированной, отрезанной от остальных, сферой – точно так же, как ни одна другая культура не является оторванной от культур иных народов. На выделение их специфических черт в определенной степени также оказывают влияние сосуществование и обмен культурными ценностями, прежде всего, европейскими.

Значение литературы каждого народа главным образом определяют черты ее идейного и художественного своеобразия и оригинальности, которыми она отличается от литератур других народов. Чем выразительнее, яснее и осмысленнее удалось тому или иному писателю воплотить эти черты в своем творчестве, тем отчетливее и неопценнее его собственный авторский вклад во всю совокупность человеческого поведения и мышления.

Богатую и содержательную струю античных реминесценций, которую привнесли в русскую поэзию самые яркие авторы-классицисты (А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин), расширили и обогатили представители русского предромантизма и романтизма (К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и другие).

Ранний этап русского романтизма полноценно и даже с неожиданной силой воплотил в русской среде то, что другие европейские литературы реализовали, главным образом, на сентименталистских страницах немецкой и английской литературы, в балладах Гете и Шиллера, в творчестве Шатобриана или Байрона.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в русском предромантизме впервые вышло на передний план искусство, направленное и уже в немалой степени сосредоточенное на глубокой жизни чувств и ощущений, искусство, явно и незавуалированно акцентирующее эмоциональное отношение к реальности.

Самой яркой личностью этой ранней стадии русского романтизма был, бесспорно, *Василий Андреевич Жуковский* (1783 – 1852), который считался первым романтиком в русской литературе и одним из самых выдающихся русских поэтов вообще.

Жуковский был незаконнорожденным сыном, тяжело переживал свое неравноправное положение в семье, но все же получил солидное образо-

вание в привилегированном Благородном пансионе при Московском университете. С 1802 г. он жил в провинции, в 1808 г. вернулся в Москву и стал редактором высоко качественного и прославленного в то время русского литературного журнала *Вестник Европы*, основанном Н. М. Карамзиным. Жуковский сам написал в этот журнал ряд статей, свои литературные творения ему передавали его друзья, и все чаще он стал публиковать здесь собственные стихотворения. Журнал стал более богатым и интересным в плане содержания. На собственное творчество Жуковский начал смотреть серьезнее и ответственнее. В 1815 он был призван к царскому двору, где более двадцати пяти лет служил, между прочим, учителем и воспитателем наследника престола, будущего царя Александра II.

После более-менее недобровольного ухода в отставку Жуковский обосновался в Германии, где впоследствии и скончался. В сентябре 1852 г. его останки были перевезены в Петербург и похоронены рядом с могилой Карамзина.

В. А. Жуковский вошел в литературу как ученик Карамзина, а его сентиментальные стихотворения этого периода (*Сельское кладбище*, *Вечер* и другие) наполнены идеальными образами девственной природы, воспевают простоту и трудолюбие селянина, тоскуют и умиляются над представлением о собственной смерти и над мечтой о том, как память о человеке будет храниться в воспоминаниях других людей. Человека Жуковский прославляет с большим пафосом. Герой его баллады *Теон и Эсхин* (1814), мудрец Теон, говорит:

*«С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священа;
При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.»*

Жуковский был убежден, что человечность способна преодолеть все препятствия и предубеждения, наполнить каждодневное существование смыслом, дать человеку крылья и направить его к поиску идеала.

Однако позднее это некое эмоциональное самосожаление перерастает у Жуковского в более дифференцированное, более глубокое и продуманное понимание всех сторон человеческой личности и существования человека в более широких взаимосвязях. К романтизму Жуковского в полной мере относится характеристика «пассивного» элегического романтизма, как его определял Максим Горький. Произведения Жуковского отвлекали внимание от противоречий общественной жизни. Его стихам были в значительной степени характерны декадентские и мистические мотивы, абстрактные размышления о так называемых вечных проблемах жизни и смерти.

Однако его значение и место в истории русской литературы определяется не этими творческими особенностями, но тем, что он внес вклад в развитие нового жанра в русской поэзии – эмоционально-психологической лирики – и для нее создал новые средства стихотворного выражения. Слова и образы относятся не к материальной действительности, а к тем впечатлениям, которые эта действительность вызывает в сознании человека. Поэт наполнил слова богатыми эмоционально-чувственными оттенками и в своих стихах продемонстрировал всю сложность впечатлений лирического «я».

Жуковский создал романтический пейзаж с его таинственным, сумрачным колоритом. Он поэтизирует как бы «отвернувшийся» лик природы, который скрыт от классицистского «дневного» представления. Он изображает не солнце, а луну, не свет, а тьму, не восход солнца, а его закат. В своих стихах Жуковский создал индивидуальную поэтическую энциклопедию лунных мотивов и таким образом мастерски открыл и уловил поэзию угасающего и уходящего дня, некую вечернюю метаморфозу земли – *Сельское кладбище* (1802), *Вечер* (1806), *Невыразимое* (1819), *Ночь* (1823) и т. д.

При этом у него все более усиливаются религиозные настроения и представления о «блаженной жизни на том берегу». Его внутренне неподдельные и субъективно пламенные стихи являются глубоким психологическим погружением в человеческое бытие и одновременно доказательством того, что поэтическое искусство способно не только постичь собственные авторские чувства и впечатления, но и выразить саму суть внутренней жизни отдельного человека – стихотворения *Тоска по милом* (1807), *Певец* (1811), *Привидение* (1823), *Ночь* (1823), *Таинственный посетитель* (1824), *Мотылек и цветы* (1824) и другие. Поэт в них достигает высокого мастерства в воплощении человеческих чувств и природных явлений, в изображении природы как живого существа с собственной духовной жизнью. Он допускает возможность того, что человек участвует в этой жизни, постигает ее своим внутренним ощущением и этим как бы расширяет пространство и границы своего собственного бытия. Речь идет, собственно, о романтике чудес в лирической форме.

Приведем в качестве примера романтическое изображение природы в стихотворении *Море* (1822):

*«Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей...
Иль тянет тебя из земных неволи
Далекое светлое небо к себе?...
Ты льешься его светозарной лазурью,*

*Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.»*

Романтические настроения Жуковского были декадентскими, в них было много мистицизма и тоски по загробному миру, предстоящему в его воображении. Но именно для этих настроений поэт часто находил такие лирические образы, которые можно было воспринимать и понимать как аллегорическое изображение и выражение возвышенных чувств вообще.

Жуковский, тем не менее, принял активное участие и в развитии и становлении более масштабных и повествовательных форм лиро-эпических жанров. Это относится, главным образом, к его балладному творчеству – *Громобой* (1811), *Алина и Альсим* (1815), *Эльвина и Эдвин* (1815), *Вадим* (1817), *Двенадцать спящих дев* (1817), и в особенности к двум балладам – *Людмила* (1808) и *Светлана* (1812) – в которых он переработал известный сюжет стихотворения немецкого романтика Г. А. Бюргера *Ленора*¹.

Несколько баллад Жуковский написал по мотивам, заимствованным из античной поэзии через немецкое посредство – *Кассандра* (1809), *Ивиковы журавли* (1813), *Ахилл* (1814).

Из последующего творчества упомянем элегическую идиллию *Славянка* (1815), торжественный и патриотический романтический гимн *Певец во стане русских воинов* (1812), стихотворные сказки *Спящая красавица* (1831), *Сказки о Иване-царевиче и Сером Волке* (1841) и т. д.

Жуковский был также историком русской литературы и ее пропагандистом, о чем свидетельствует его историко-литературные труды *Обзор русской литературы за 1823 год* (1824), *Конспект по истории русской литературы* (1826–1827) и *О меланхолии в жизни и поэзии* (1846). Романтизм Жуковского – это романтизм чуда и тайны, которые как бы параллельно сосуществуют в жизни природы и человека. Чтобы выразить такие переживания и чувства, поэт часто обращается к сюжетам, взятым из народных поверий и церковных легенд с их фантастичностью. Помещение действия романтической баллады в *Средневековье* или *античность* поэтому вполне естественно для Жуковского.

Жуковский стал теоретиком так называемого «пассивного» романтизма, который расцветал в темную эпоху поражения дворян-революционеров. В этом направлении особенно характерным является стихотворение *Не-*

¹ Прим.: В результате ее свободной переработки возникла и легендарная баллада К. Я. Эрбена *Свадебная рубашка* (*Svatební košile*).

выразимое (1819), в котором поэт провозглашает, что внешние, видимые черты природы поэзия способна изобразить в полной мере и однозначно, тогда как ощущения, которые вслед затем пробуждаются в душе человека, уловить и выразить невозможно:

*«Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту...
Кто мог создание в словах пересоздать?...
Святые таинства, лишь сердце знает вас.»*

Стихотворение *Невыразимое* было одним из последних оригинальных творений Жуковского, ибо в начале тридцатых годов подходит к своему завершению и кончается основной романтический период его деятельности. В последующие годы Жуковский выступает почти исключительно как прямой переводчик и таким образом переводит ряд крупных эпических поэм и знакомит русскую общественность с величайшими литературными и культурными жемчужинами других народов Европы и Азии. Уже в 1819 – 1821 гг. он перевел *Орлеанскую деву* Шиллера, в 1821 – 1822 гг. *Шильонского узника* Байрона, а в 1836 г. закончил перевод поэмы Фридриха Де Ла Мотт Фуке *Ундина*, которая основана на старой народной сказке. Затем следует перевод части крупнейшего эпоса индийского народа *Махабхарата* с названием *Наль и Дамаянти* (1837–1841), далее – стихотворный рассказ из иранской царской книги *Шахнаме* – *Рустем и Зораб* (1846–1847), а вслед за этим – вторая из великих эпических поэм Гомера, *Одиссея* (1842 – 1849), при переводе которой Жуковский опирался на труд Гнедича, создавшего перевод *Илиады*. Будучи в Германии, он также занялся политической публицистикой.

Античность и ее элементы обнаруживаются в творчестве Жуковского в изобилии и многообразии, ибо он использует как мифологический, так и исторический античный материал и сюжеты. Часто в его стихотворениях упоминается Аполлон как бог поэзии и предводитель муз, Веста как римская богиня домашнего очага (стихотворения *Ареонагу*, *К Батюшкову* и т.д.); в иных случаях в качестве образного средства и средства создания возвышенного эффекта он пользуется тем, что дает своим друзьям античные имена (*К Тибуллу*, *к Делию*, *к Филону*); также нередко в стихотворениях Жуковского появляются имена античных поэтов и прозаиков (Гораций, Гомер, ...).

В его стихах обнаруживаются некоторые древнегреческие мифы и мифологические герои, а также целая плеяда имен античных богов, причем

некоторые использованы только в их греческой форме, другие – как в греческой, так и в римской, остальные – только в римской (Зевс, Афродита, Гелиос, Хронос, Нептун, Диана, Марс, Фортуна и т. п.).

В романтическом пейзаже Жуковского неоднократно появляются природные божества, названия которых зачастую метафоричны (Диана, Геба, дриады, фавны, Аврора – утренняя заря, Селена – луна и т. п.).

Все вышеуказанные античные реминисценции в поэзии поэта-романтика В. А. Жуковского выполняют, прежде всего, стилистическую функцию и используются им как способ и средство поэтизации. Содержание стихотворения таким образом приобретает величественный характер и общечеловеческий смысл. Его творчество содержит ряд произведений в античном духе или непосредственно с античной тематикой. Таково, например, относительно объемное, написанное гекзаметром стихотворение *Счастье* (1809), где упоминаются многие античные божества – Минерва, Гермес, Эрос, Зевс, Нептун и прочие – и где основная мысль заключается в том, что бог дарит счастье счастьем лишь избранным.

*«Великим да будет, кто собственной силы создание,
Душою превыше и тайные Парки и Рока;
Но счастье и Граций улыбки не силе подвластны.
Высокое прямо с Олимпа на избранных небом нисходит.»*

Действие стихотворения *Теон и Эсхин* (1814) перенесено в античность; Жуковский изображает романтический античный образ, в котором, в конечном счете, все сливается в цельную поэтическую сцену, как это видно из следующих двух четверостиший:

*«Все те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сиянием Надежда?
С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алены.»*

В стихотворении *Ахилл* (1813) появляются известные мотивы из *Илиады* Гомера, и его узловую часть формирует печальная песнь Ахилла под аккомпанемент лиры. Это произведение стоит на границе двух специфических жанров – баллады и элегии. Оно преисполнено глубокой растро-

ганности и грусти, причем жалостное настроение героя находится в гармоничном созвучии с пейзажем:

*«На равнине битвы сон;
И курясь, едва сверкает
Пламень гаснувших костров,
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.»*

Очень поэтичны и мелодичны также многие другие стихи Жуковско-го с античными элементами. Укажем, например, стихотворение *К Делию* (1812), которое является свободной переработкой одной из од Горация, *Элизиум* (1812), в случае которого речь идет о переводе одноименного стихотворения Мэтиссона, или *Явление богов* (1816), в котором поэт настойчиво обращается к богам, хочет вкусить лакомый нектар, окропить свои очи небесной росой и стать одним из них:

*«Дайте мне вашей, бессмертные, жизни!
Боги! Что, смертный, могу поднести вам?
К вашему небу возвысьте меня!»*

В античном духе написаны и баллады *Кассандра* (1809) и *Ивиковы журавли* (1813). В них много дигрессии, которая усиливает и подтверждает драматичность действия. В балладе *Кассандра* Жуковский подчеркивает ясность, выразительность и убедительность описаний; например, уже в самом начале он делает акцент на великолепии обстановки, на красоте и величии праздника. Затем благодаря этому он углубляет контраст окружающей атмосферы с настроением и внутренним состоянием героини Кассандры:

*«Вижу факел погребальный,
Вижу: ранний гроб открыт.»*

Из вышесказанного следует, что Жуковский использует античные образы прежде всего для выражения своих заветных и неотступных мыслей, для того чтобы придать им особую значимость и глубину, преумножить их значение и общечеловеческий характер. В его стихотворениях античность оказывается величественным и гармоничным миром, в котором правит спокойствие, уравновешенность, красота и поэзия.

Все эти тексты были для Жуковского широким полем деятельности и путём к независимому творческому мышлению. Таким образом, он был

не просто интерпретатором переводимого им автора, а его равноценным партнером. Это способствовало полету его вдохновения и воодушевляло на сосредоточенный поиск новых выразительных вариантов русского языка и русской просодии. Этим он в лексическом и синтаксическом плане обогатил языковое выражение, что позволило в большей мере постичь внутренние духовные переживания человека, и в то же время ярко и заметно укрепил основную потребность в рождающейся созерцательной линии в русской поэзии нового времени.

Литература

- Жуковский, В. А.: Собрание сочинений в четырех томах. Москва 1959.
Жуковский, В. А.: Стихотворения. Ленинград 1956.
Русские поэты. Антология русской поэзии в четырех томах. Москва 1965.
Савельева, Л. И.: Античность в русской поэзии конца XVIII – начала XIX вв. Казань 1980.
Савельева, Л. И.: Античность в русской романтической поэзии. Казань 1986.

